

ДЕТСКИЕ ПРОКАЗЫ

ДОМ НА БЕРЕГУ НЕВЫ

За Невской заставой, вдоль проспекта Обуховской обороны выстроились корпуса заводов и фабрик. Их высокие кирпичные трубы подпирали низкое ленинградское небо, а по утрам заводские гудки тревожно ревели, призывая на смену десятки тысяч рабочих.

Наш старый пятиэтажный дом стоял на левом берегу Невы. Весной, когда залитые мазутом берега освобождались от снега, мы забирались на крышу дома смотреть ледоход. Огромные льдины, теснясь и разворачиваясь, шли по Неве прямо на нас и если не смотреть на берег, то казалось, мы плывем на ледоколе по безбрежным просторам Арктики.

Зимой и летом в доме остро пахло смолистым деревом. Под самыми окнами работала лесопилка. На берегу громоздились штабеля круглых скользких бревен. Их пригоняли в плотках по Неве черные тупоносые буксиры. Грохочущие лебедки затаскивали бревна на территорию лесопилки, и звонко визжащие пилы распускали стволы на широкие доски.

На первом этаже дома располагалась большая коммунальная квартира. В конце длинного коридора в двух маленьких комнатах жили мои родители, старший брат и я. Две комнаты рядом занимали соседи. Главой семьи у них была крепкая пожилая женщина по прозвищу Смирниха – гроза всей коммуналки. У нее были взрослый сын, невестка и два внука.

У всех жильцов нашей квартиры были какие-нибудь прозвища, которые придумывал вороватый парень Ленька Чумаков, прикидывающийся блатным. Самого Леньку все называли не иначе как Чума. В квартире Ленька не крал – боялся Смирнихи, которая на кухне при всем честном народе предупредила, что убьет его поленом, если

пропадет хотя бы спичка. Чума знал – Смирниха слов на ветер не бросает, и если обещала, то прибьет.

Сын Смирнихи – Николай считался самым образованным в квартире. Он окончил техникум и работал инженером в плановом отделе завода. Возвратившись с работы, Николай сразу ложился на диван с газетой в руках. На все упреки домашних о том, что он палец о палец не ударит, инженер выразительно глядел на нахала поверх очков и ехидно спрашивал: «А диплом?» За это его естественно и звали Диплом.

Жену Диплома, высокую сутулую женщину, звали Дылда. Их старший сын Славка – мой ровесник, капризный большеголовый мальчишка, отличался на редкость вредным характером. Когда его били во дворе за какую-нибудь гадость, он бежал и дурным голосом на весь двор орал: «Бабуся!» – призывая на помощь всемогущую бабу. За это его прозвали Бабуся.

В остальных комнатах нашей квартиры проживали женщины – одиночки, потерявшие мужей на войне. В самой крайней, узкой, тесной комнате, жил Петрович – молчаливый, контуженный на фронте мужчина. Он работал на заводе в кузнечном цехе. Говорили, что у Петровича есть какая-то справка из психушки, и если он убьет кого угодно, то ему ни фиги за это не будет. Поэтому его боялись как дети, так и взрослые, включая Смирниху. Но однажды Смирниха не сдержалась и чуть не лишилась руки. А дело было так: еще в блокаду Смирниха захватила на кухне место у окна и вворотила туда большой стол, занимавший треть всего помещения. Когда жильцы вернулись из эвакуации и народу прибавилось, всем стало тесно на кухне из-за размеров стола. Но для Смирнихи война за стол была священной. Поэтому, победить ее было невозможно. Между плитой и Смирнихиным столом оставалось так мало места, что поместилась лишь тумбочка, на которой и расположился контуженный Петрович. Смирниха варила кашу на примусе, а руку, как бы невзначай, положила на тумбочку соседа. Петрович шинковал капусту большим вороненым ножом. Он заметил руку, сердито кашлянул, но

стерпел. Смирниха расценила это как проявление слабости, и для закрепления успеха продвинула руку дальше. Тут эхо разрыва фашистского снаряда ударило Петровичу в голову, он размахнулся и рубанул прямо по руке. Смирнихе повезло, она успела отдернуть руку, и сокрушительный удар пришелся по краю тумбочки. Этот глубокий след от ножа показывали всем детям как доказательство безнаказанности Петровича. Смирниха тут же смылась в свою комнату, и ее до вечера поили валерьянкой.

Никто не сказал Петровичу даже слова, но судьба его была трагична. Доведенный до изнеможения головными болями от контузии, он однажды ночью повесился в своей комнате.

Через некоторое время в комнате Петровича поселилась новая жиличка с двумя маленькими дочками. Красивая молодая женщина была женой офицера-подводника. В их комнате появилось пианино, и я впервые услышал удивительную волшебную музыку.

Новая жиличка была интеллигентной женщиной, ко всем обращалась только на «Вы» и по имени отчеству, а не по кличке. Даже Смирниха сначала взяла новенькую под свое покровительство и подробно рассказала ей, какие сволочи живут в этой квартире, что они способны на всё и лучше от них держаться подальше.

Однажды новенькая сварила щи с мясом, что в те еще голодные после войны годы было редкостью в нашей квартире. И вот эти щи стали пениться и пахнуть хозяйственным мылом. Новенькая сокрушалась, что плохо сполоснула кастрюлю после мытья. Все попытки съесть щи, окончились неудачей – разило мылом. Тогда она решила отдать щи многодетной дворничихе, ютившейся с четырьмя детьми в полуподвале. Младшего сына дворничихи так и звали: Юрка-подвальный. Но и они не смогли съесть даже мясо. А когда выливали щи в уборную, то обнаружили маленький серый обмылок, который новенькая не признала за свой, и дворничиха ей намекнула, что кто-то ей мыло в щи подложил. Жи-

личка расстроилась и со слезами на глазах рассказала обо всем на кухне.

«Это еще что, – ухмыльнулась Смирниха, помешивая манную кашу для своего внука, – с нашим народом держи ухо остро, не постесняются и дерьма подложат!»

Большой жизненный опыт не подвел Смирниху и на этот раз – в тот же день ей в кастрюлю положили кал ее же внука, нестиранные пеленки которого она оставила на кухне.

И все же, по большому счету, жильцы в нашей квартире жили дружно. Была в те годы в Ленинграде очень модная задушевная песня «Голубка». Пластинку невозможно было достать, и на барахолке торговали рентгеновскими пленками с записями популярных мелодий. Однажды жильцы, истосковавшиеся по любимой песне, решили скинуться и купить такую пленку. Чуме вручили бутылку самогонки с наказом обменять ее на «Голубку».

Вечером Чума явился с пленкой. Соседка, работавшая старшей медсестрой, посмотрела негатив на просвет и определила: «осколочное ранение голени».

На кухню вынесли патефон, завели и установили пленку. Все замерли, ожидая начала песни. «Ш... ш... ш... ш... ш... – целую минуту шипела пластинка. Но петь никто не спешил. – О, голубка моя, – вдруг пропел кто-то пьяным хриплым голосом, и опять: – Ш... ш... ш... Что прищурились? – вдруг насмешливо произнес тот же голос. – Голубку захотели? – певец громко икнул. – Хрен вам, а не голубку!»

Шипение пленки закончилось.

Жильцы собрались побить Чуму, но тот клялся, что «поставит на перо» козлов, всучивших ему эту пленку, и завтра же достанет новую. Он обратился к Зюзе – известному в нашем доме воровскому авторитету и вместе с ним поехал на барахолку. Они разыскали продавцов и затребовали у них две новые пленки. Малолетки при виде татуированного Зюзи безропотно отдали пленки и пожаловались своему пахану. Воровская кодла подловила Зюзю с Чумой

при выходе с толкучки. Спас их только проходивший мимо трамвай. Но и тех синяков, которые они успели получить, хватило бы на десятерых.

«Было море крови! – самозабвенно врал потом Чума, еле шевеля разбитым ртом. – Мы резали их как баранов, направо и налево!»

Так Зюзе бесплатно досталась Голубка, которую он крутил на патефоне целыми днями. Когда пленка испортилась, подвыпивший Зюзя сам исполнял Голубку на радость соседям.

Несмотря на то, что мне едва исполнилось шесть лет, отношения со Смирнихой у меня были натянутые. Называла она меня не иначе как «змееныш», произнося это слово с особым шипением на конце. Мой покровитель Чума придумал для ее внука Славки новую кличку – «подсвинок». Так что мы при встрече обменивались со Славкой любезностями. Он, завидев меня, злобно шипел сквозь зубы, изображая змею, а я сначала не отвечал, но потом быстро заводился и хрюкал прямо ему в лицо. Это сразу приводило Славку в бешенство, и всё завершалось яростной потасовкой.

Дрались мы со Славкой часто. Противник он был сильный и безжалостный. Используя преимущество в весе, Славка хватал меня и старался повалить на землю. Если только это ему удавалось, он садился верхом мне на грудь и замазывал мое лицо и одежду грязью. За это мне еще дополнительно попадало. Раза два у него этот номер прошел, и тогда я решил, не дожидаясь Славкиных объятий, бить первым точно в нос, чтобы пошла кровь, которой Славка боялся ужасно. Но Славка научился использовать разбитый нос в свою пользу. Он прибегал с замазанным кровью лицом жаловаться моим родителям, утверждая, что я зверски его избил, за что меня тут же наказывали. Тогда Чума показал мне, где находится солнечное сплетение, и научил бить прямо в «дых». Нокаутированный Славка валился на землю, как сноп, а потом долго не мог отдышаться, чтобы затеять новую драку или заплакать.

Однако большую часть времени мы со Славкой мирно играли на улице или в коридоре, так как остальные дети в нашей квартире были либо значительно старше нас, либо младше. Одна из таких игр закончилась тем, что Смирниха подала заявление в народный суд, обвиняя меня в злостном хулиганстве.

Однажды, играя на берегу Невы, я нашел под бревнами красивую латунную трубочку, запаянную с двух концов и по виду напоминавшую школьную ручку. В те времена очень модными были складные ручки в виде трубочки, в которую вставлялись два металлических наконечника: один с обрезком карандаша, другой с пером для чернил. После использования карандаш и перо убирались внутрь трубочки. Ребята носили такую ручку в специально выстроченном узеньком кармашке демократки. У Чумы тоже была складная ручка, только вместо карандаша был впаян небольшой острый стилет.

Сначала я подумал, что судьба одарила меня именно такой ручкой, и попытался выдернуть из конца трубки перо или карандаш. Но не помогли даже зубы, которые оставляли следы на металле. Славка стоял над душой и пытался выхватить у меня из рук трубку, повторяя: «Дай я. Ну, дай я. У меня сразу получится!»

Улучив момент, Славка вырвал трубку из моих рук и помчался с ней домой. Плача от обиды, я побежал за ним, обзывая его подсвинком и по примеру Смирнихи угрожая убить поленом, если он сейчас же не отдаст мне трубку. Это лишь добавило Славке прыти. Громко топая ногами, мы пронеслись по коридору и влетели в Смирнихину комнату.

Было воскресенье, и взрослые собрались обедать. Когда мы вбежали, Смирниха наградила Славку подзатыльником и крикнула: «Быстро мой рыло и садись жрать!»

Славка проскочил мимо бабки к жарко натопленной круглой печке, обернулся, окинул меня злорадным взглядом, соорудил рожу и через круглую дырочку в дверце просунул трубку в раскаленное гудящее чрево.

В этот момент я собрался объяснить Диплому, в чем дело, но, увидев бесславный конец моей ручки, заплакал.

«Ты мальчик приходи, когда Славик покушает», – успел произнести Диплом.

И тут раздался ужасный взрыв. Опытная Смирниха, пережившая в этой квартире блокаду, видевшая ежедневные обстрелы и бомбежки, инстинктивно грохнулась на пол и закрыла голову руками. Диплом упал навзничь вместе со стулом, а Дылда повалилась на стол. Славку взрывной волной шибануло в спину и он, пролетев мимо меня, ударился головой в дверь. Я как стоял, так и сел на зад. Печь скособочилась и осела, топку разворотило взрывом, и вековая сажа заполнила комнату. В наступившей темноте светились и дымили разбросанные по полу горящие поленья. От них занялась тюлевая занавеска. Пожар быстро потушили, но грязь и сажу растащили по всему коридору.

Через полчаса в нашу комнату без стука вошли Смирниха, Диплом и заплаканный Славка. Диплом молча дал сыну увесистый подзатыльник, а Смирниха грозно приказала: «Говори!»

Указывая на меня пальцем, Славка писклявым голосом произнес: «Это была его граната! Он нашел, а я не знал! Он заставил сунуть ее в печку! Он виноват!»

У меня от такой наглости и несправедливости перехватило дыхание. Не успел я раскрыть рот и сказать что-нибудь в свое оправдание, как схлопотал от папаши увесистый подзатыльник. Тут Смирниха разоралась на всю квартиру, обещая затаскать по судам нашу бандитскую семейку, а «змееныша», т. е. меня, сгноить в тюрьме!

От обиды я разревелся и не слышал, как ругалась вся квартира, выясняя обстоятельства случившегося. На другой день я заболел и давал показания, лежа в постели. Мои слова подтвердили соседки и мужики-доминошники. Однако Смирниху это не смутило, и она подала на меня в народный суд.

У меня опять подскочила температура, и ночью был кризис. Рано утром, когда я проснулся мокрый и ослабевший, ко мне наклонился отец и сказал: «Сталин умер!»

И тут дружно завывли гудки заводов и фабрик нашего района. Эти гудки, такие привычные и знакомые, мы слышали тысячи раз, когда они звали людей на работу, отпускали на обед, возвещали конец смены. Мы всегда знали точно, какой завод или фабрика гудит и когда. В тот день гудки ревели одновременно, и было в их голосах что-то незнакомое, тревожное и суровое. Начиналось новое время, в котором предстояло жить моему поколению.

Все побежали на улицу. Мать схватила меня на руки и в одеяле тоже понесла на улицу. Люди стояли прямо на трамвайных рельсах на проспекте Обуховской обороны у булочной. Из репродуктора гремели слова Левитана. Женщины плакали. Я ничего не соображал и тоже плакал. К ночи у меня снова подскочила температура.

Болел я долго. Ночами мне снилась злорадная Славкина физиономия, и планы мести роились в моей голове. Но им так и не суждено было осуществиться. Славке вел себя осторожно и уходил от драк. Зато опять не повезло Смирнихе. Однажды я толкнул ногой дверь нашей комнаты, которая открывалась в коридор, и услышал крик и падение грузного тела. Оказалось, что Смирниха, выйдя из своей комнаты, решила по привычке заглянуть в нашу замочную скважину, и дверная ручка рассадила ей бровь до крови. Смирниха опять подала на меня в суд, утверждая, что она просто наклонилась у нашей двери поправить тапок, а я подкараулил ее и нарочно стукнул дверью.

В третий раз Смирниха снова была виновата сама. В квартире устанавливали паровое отопление. В нашей комнате рабочие пробили в стене у самого пола отверстие для трубы. Дыра эта вела в одну из комнат Смирнихи. Мы со Славкой мирно играли: он заглядывал в отверстие из своей комнаты, показывал мне язык и шипел, как змея, а я в ответ ему хрюкал. Потом Славка исчез и через некоторое время швырнул в дыру обломок кирпича, который зака-

тился под кровать. Я достал кирпич, и бросил его назад. Как раз в этот момент в проломе неожиданно показалась голова Смирнихи. Она, по-видимому, отогнала Славку и хотела посмотреть, что же такого интересного есть у нас в комнате. Кирпич попал Смирнихе по тому месту, куда раньше угодила дверная ручка.

Крови было много, и она, искусно размазав ее по лицу, побежала в милицию. Но в районном отделении ее быстро выставили, узнав, что мне только шесть лет.

С Дипломом у меня тоже получилась одна неприятная история. Николай Николаевич разводил гуппи и часами просиживал у аквариума, любуясь их нарядными хвостами и забавными играми. Два или три раза, когда отца не было дома, а Смирниха качала права на кухне, Славка приглашал меня в комнату посмотреть рыбок. Как-то ранней весной, обследуя рыбацкие лодки в поисках забытой под настилом корюшки или миноги, мы вдруг нашли крупного и скользкого ерша со свирепо вытаращенными глазами.

«Давай пустим его в аквариум к твоим рыбкам», – предложил я Славке без всякой задней мысли.

Поймав ерша в луже на дне лодки, мы посадили его в банку и помчались домой. Однако играть с рыбками ёрш не пожелал и сразу забился в угол за растения. Когда же Славка карандашом подтолкнул ерша, он, как сумасшедший, заметался по аквариуму и замутил воду. Мы решили обождать, когда в аквариуме осядет муть, пошли играть на улицу и совсем забыли о ерше.

Вечером Диплом явился с работы и захотел покормить своих любимых рыбок. Но в аквариуме почему-то оказалось только две, зато самые шустрые. Диплом стал искать спрятавшихся рыбок и неожиданно наткнулся на свирепый взгляд сытого ерша, затаившегося между водорослями.

Сколько было крику – не передать. Славку били ремнем, и он орал на весь двор. Мне досталось не меньше.

Все мужчины нашего дома работали на окрестных заводах и фабриках за исключением двух братьев Филатовых, трудившихся на мясокомбинате и покупавших там

дешевые субпродукты для всех знакомых. Они были ужасные хохмачи. Однажды старший брат, налив в бычий пузырь свиной крови, спрятал его под ветхой грязной рубашкой, а между пузырем и животом подложил толстую кухонную доску.

Покрутившись около мужиков, играющих в домино, братья нарочно затеяли ссору и младший, достав перочинный нож, пырнул брательника в живот. Старший закричал диким голосом и, схватившись руками за живот, надавил бычий пузырь. Темная кровь фонтаном брызнула из дырки. Это произвело впечатление даже на мужиков, побывавших на войне. Но братьям не повезло. Появился участковый и мгновенно повязал младшего, отобрав у него нож. Когда окровавленный старший поднялся и стал объяснять, что это просто шутка, он арестовал и его, связав братьев спиной друг к другу. Добрые мужики вступились за шутников и стали упрашивать Петровича отпустить их. Но участковому хотелось немного проучить братьев.

И тут пронеслось страшное слово пожар.

Петрович сразу отпустил братьев. Все бросились к деревянным домам. Над одним из них клубился черный дым. Когда приехали пожарные, дом уже сгорел.

Пострадавших не было, все успели выскочить из горящего дома. Когда стали разбираться, от чего загорелся дом, все жители упорно отмалчивались.

Погорельцам собирали вещи со всего района. Помогли все заводы и фабрики. Только через год просочился слух о том, как загорелся дом. Ребята поймали в подвале дома огромную крысу. В старой птичьей клетке ее выставили на всеобщее обозрение. Кто-то высказал предположение, что это крысиный король. Всем миром решили подпалить ему шкуру и отпустить, так как все крысы сразу покинут дом, испугавшись запаха паленой шерсти. Плеснули на крысу бензином из зажигалки и подожгли. Обезумевшее от страха животное огненным клубком заметалось по клетке, вышибло хлипкую дверцу, выскочило на волю и кинулось в подвал. Дом загорелся так быстро, что никто не смог ниче-

го вынести. Успели выбежать все люди, и даже крысы, впереди которых мчался опаленный крысиный король. Крысы переселились в подвал соседнего дома, а людям пришлось туго.

Участковый милиционер расспрашивал погорельцев, чтобы проверить этот слух. Но все молчали, опасаясь, что за неосторожный поджог коммунального дома можно угодить в тюрьму.